

ФАБРИКИ МЫСЛИ В РОССИИ: ЧТО НЕ ТАК?

Тихомиров А.В.

Резюме: Фабрики мысли в мире продуктивны созданием нового знания – интеллектуального продукта, обычно оплачиваемого государством. Однако предметом интереса государства всюду является внешняя, а не внутренняя, не социальная политика, которая остается обделенной интеллектуальным обеспечением реальных потребностей со стороны фабрик мысли. Российские аналитические центры в форме учреждений всецело находятся в зависимости – не столько от символического собственника (государства), сколько от выступающей от его имени бюрократии, чиновничества. Российские ученые позиционируются исключительно как работники государственных учреждений, в отличие от зарубежных коллег не имеющие статуса госслужащих и не являющиеся свободными экономическими агентами. Качество интеллектуального продукта, создаваемого в России на деньги государства учеными в рамках трудовой субординации в учреждениях, находящихся в свою очередь в административной и имущественной субординации государству же, не позволяют российским аналитическим центрам выступать наравне с зарубежными фабриками мысли. Независимость, самостоятельность является чертой, отделяющей зарубежные Think Tanks от российских учреждений и заграничных коллег – от российских ученых. А это – неспособность к конкуренции.

Brief: All over the world Think Tanks are fabrics of creating new knowledge – an intellectual product, usually paid for by the state. The subject of the state's interest everywhere is external, not internal, social policy, which remains deprived of the intellectual provision of real needs on the part of Think Tanks. Russian analytical centers in the form of institutions are entirely dependent – not so much on the symbolic owner (the state), but on the bureaucracy acting on his behalf. Russian scientists are positioned exclusively as employees of state institutions, unlike their foreign colleagues who do have the status of government agent or free subject. The quality and price of an intellectual product created in Russia with state money by scientists within the framework of labor subordination in state institutions under administrative and property subordination to the state do not allow Russian analytical centers to act on a par with foreign thought factories. Independence is a feature that separates foreign Think Tanks from Russian institutions and foreign colleagues from Russian scientists. And this is an inability to compete.

Ключевые слова: фабрики мысли, мозговые центры, аналитические центры, учреждения, ученые

Key words: Think Tanks, analytical centers, state institutions, scientists

Власть устойчива тогда, когда опирается на жесткие основания, выработанные наукой.

Во власти не может быть специалистов, сведущих во всех вопросах и способных разрешить любую проблему.

В случае необходимости для этих целей привлекаются специалисты, глубоко владеющие конкретной темой и обладающие масштабными знаниями в конкретной сфере.

Специалисты дают ответы на поставленные вопросы или рекомендации по разрешению возникшей проблемы.

Редко так бывает, что возникает необходимость в настолько узком сегменте знаний, что потребности в них может удовлетворить единственный специалист, и обычно привлекается группа ученых как формальное или неформальное объединение.

Такого рода структуры получили название Think Tanks (или фабрики мысли, мозговые центры), именовались также «аналитическими центрами», «центрами компетенций» - в отечественной литературе даже «мыслесборниками» [11].

Актуальность темы существования таких интеллектуальных ячеек, как фабрики мысли, обусловлена их эффективностью, которую они продемонстрировали при существовании параллельно традиционным штатным аналитическим центрам.

Целью настоящей работы стало описание фабрик мысли, как их – за рубежом и в России – увидели отечественные авторы, а предметом исследования – то, что они не увидели (в парадигме «ошибки выжившего», survivorship bias).

На тему фабрик мысли написано много работ, но не стояло задачей провести их количественный (статистический) анализ – важнее было отобрать и исследовать наиболее емкие из них и показательные для цели настоящей работы, что и было сделано.

Выборка состояла из 21 публикации, которые были подвергнуты качественному-анализу в контексте поставленной цели.

Прообраз нынешних фабрик мысли – как воплощение идеи междисциплинарной интеграции – центры синтеза (или синтез-коллаборации), различаясь по интеллектуальной основе и конкретным целям, имеют схожие принципы работы: (1) приверженность продвижению знаний и поиск решений социальных проблем при участии (2) небольших самоорганизующихся групп из 6–20 ученых и практиков, (3) привлеченных из различных дисциплин, профессий и социальных слоев, чья работа (4) включает периоды интенсивного, межличностного сотрудничества в условиях свободы от повседневных обязанностей и рутин и периоды удаленной работы в компьютерной сети (цитирует С.М.Пястолов [12] идеи Hackett E.J.).

Сокращение в последние несколько лет числа мозговых центров обусловлено рядом факторов:

- ростом неприязни по отношению к аналитическим центрам и НКО со стороны политической и нормативной среды во многих странах;
- сокращением финансирования политических исследований государственными и частными донорами;
- стремлением государственных и частных доноров к краткосрочному финансированию конкретных проектов вместо инвестирования в идеи и институты;
- слабым развитием институционального потенциала, его неспособностью адаптироваться к изменениям;
- усилением конкуренции со стороны адвокатских и юридических организаций, коммерческих консалтинговых фирм, электронных средств массовой информации, работающих в режиме 24/7.

Но по крайней мере в формате временных творческих коллективов, модель мозговых центров в США продолжает оставаться востребованной в решении задач стратегического характера.

Целью настоящей работы является выяснение не столько истории, географии и морфологии фабрик мысли за рубежом, сколько то, почему этот зарубежный опыт не отвечает потребностям современного российского общества.

Интерес представляет не то, как за рубежом объясняют, а как ученые - авторы отечественных научных публикаций – видят феномен фабрик мысли за рубежом и их адаптированную версию в России.

Фабрики мысли, мозговые центры выступают в роли субституты тех субъектов управления будущим, доверие к которым в обществе в мире снижается.

Множество такого рода субститутов довольно размыто, его границы неопределенны [12].

Для чего необходимы фабрики мысли?

Можно выделить их общие черты [4]:

- независимые или связанные с другими структурами некоммерческие объединения;
- выполняют научно-прикладные, политико-ориентированные исследования;
- свободные в выборе и направлений анализа;
- являются посредниками между наукой и политикой, а также между гражданским обществом и лицами, принимающими политические решения;
- используют различные методы влияния на выработку и принятие политических решений;
- реализуют просветительско-образовательные программы;
- осуществляют консультирование по общественно-политическим вопросам;
- кузница кадров для государственных органов власти.

Также можно сказать, что фабрики мысли – это организации, которые являются актором процесса выработки и принятия политических решений, относительно общественных благ – вплоть до того, что некоторые исследователи называют фабрики мысли пятой ветвью власти [4].

Это позволяет им занимать уникальную нишу «неполитических» участников политических процессов [6].

В США, согласно выводам Я.В.Щетинской [19], фабрики мысли:

- выявляют, актуализируют, изучают, структурируют и ранжируют насущные идеи (концепции) любого масштаба, сложности и значимости, в том числе с учетом прогноза развития событий, в частности, экспертным методом Делфи;
- разрабатывают методологические подходы к их воплощению (технологии);
- создают, аккумулируют и предлагают информационно-аналитический продукт (консультационные тексты), воспользоваться которым может любой заказчик, в том числе, государство.

Этот продукт диверсифицируется в порядке делиберативного процесса коммуникации (адекватной интерпретации общественного мнения) или масштабных консультаций в области публичной политики.

Предложение облекается в максимально привлекательную для заказчика форму в соответствии с правилами маркетинга.

А если дело в маркетинге, значит – и в конкуренции между фабриками мысли.

Но и тут не все однозначно.

А.Ю.Беляев [1] приводит классификацию фабрик мысли по МакГанну:

- Policy-makers, преимущественно ориентирующиеся на государственные заказы и имеющие сильную кадровую базу для PR-деятельности;
- The Partisans, идеологически ориентированные фабрики мысли, предлагающие новые разработки для дружественных партий, а также являющиеся как кузницей кадров для политики, так и местом, где могут найти свое место в прошлом активные политики;
- The Phantoms, формально выглядящие как НКО, но действующие как инструмент имитации деятельности гражданского академического сообщества;
- The Scholars, постоянно предлагающие инновационные идеи, в связи с чем более всего подходящие на роль инициаторов новых публичных дискуссий;
- The Activists – не только продвигают свои идеи, но и занимаются их практической имплементацией.

Или иначе [5]:

- академически-диверсифицированные – исследования проводят по целому ряду политических вопросов;
- академически-специализированные – сосредотачиваются на одной проблеме или дисциплине;
- контрактно-исследовательские – большую часть своих исследований проводят для государственных структур;
- пропагандистские – распространяют заданные точки зрения;
- политические – используют приёмы маркетинга своих идей для достижения заданных целей.

Процесс активизации фабрик мысли в данном процессе можно описать следующим образом [1]:

- Изменение политической поляризации;
- Рост неопределенности;

- Мобилизация групп интересов;
- Рост необходимости в обоснованных аргументах;
- Рост финансирования и активности фабрик мысли;
- Влияние на политиков и академическое сообщество, изменение повестки.

Для оценки эффективности зарубежных «фабрик мысли» предложено 8 критериев [20]: (1) диверсифицированный перечень исследований; (2) организационная и (3) идеологическая независимость; (4) наличие контактов с лицами, ответственными за принятие решений; (5) своевременность выпускаемого аналитического продукта; (6) способность привлекать различные источники финансирования; (7) выступать в качестве связующего звена между академической сферой и сферой принятия решения посредством проведения конференций, семинаров, панелей, а также (8) презентовать аналитический материал в различных формах.

Для ряда исследователей важна лишь функциональная организация фабрики мысли, для других «фабрика мысли» представляется независимой организацией, поэтому структуры, аффилированные с политическими партиями, не подходят под их определение (в некоторых случаях внимание заостряется на различной сути самой «независимости»: финансовой, институциональной или интеллектуальной) [11].

В большинстве стран оформились следующие виды фабрик мысли [8, 21]:

- учебно-многоотраслевые или научно-специализированные центры (университеты без студентов или академические фабрики мысли);
- контрактные исследовательские организации;
- информационно-пропагандистские аналитические центры (идеологизированные фабрики мысли, представляющие определенную группу интересов);
- партийные фабрики мысли.

В КНР многочисленность мозговых центров затрудняет их классификацию, однако она становится возможной в первом приближении, поскольку основана на единой модели «колец и слоев», отражающей специфику китайского подхода.

Общей особенностью «мозговых центров» Китая является то, что интеллектуальные усилия их участников вписываются в реализацию единых

концепций и стратегий модернизационного развития страны [10], что приводит к концентрации интеллектуальных ресурсов нации [14].

В Китае ставится задача подготовки мозговыми центрами «независимой, объективной и системной информации» [14].

Для этого, по примеру американских, они должны обладать тремя свойствами: «качеством, независимостью и силой влияния», представляя собой настоящие «фабрики мысли», не боящиеся вызывать «перевороты в умах»; «центры стратегической мысли», осмеливающиеся бросать вызов существующим авторитетам.

В стране в настоящее время существуют мозговые центры [14]:

1. при партийных, правительственных учреждениях и органах военного управления, которые участвуют в разработке важных государственных решений и доводят их проекты, а также необходимую информацию по внутренним каналам непосредственно до руководящих органов всех уровней.

На местах повсеместно также созданы аналогичные структуры типа кабинетов по изучению политики, административных институтов, партийных школ и т. п.

2. при Академии общественных наук. Это — «полуофициальные» структуры, «тесно связанные с правительственными ведомствами» и играющие важную роль в подготовке правительственных решений. Финансируются самой Академией. Также эти структуры выполняют заказы предприятий и общественных организаций.

3. при университетах. Обладают большим кадровым и информационным потенциалом, отличаются комплексностью и новаторством в подходе к подготовке решений. Финансируются университетами, хотя обычно не имеют юридического лица.

4. при бизнес-структурах. Их работа тесно связана с выявлением «горячих точек» в экономике и проблем в социальной сфере, поэтому нередко привлекает широкое общественное внимание и через СМИ «оказывает определенное влияние» на принятие решений руководством на разных уровнях.

5. общественно-политические исследовательские центры, создаваемые бизнес-структурами, частными лицами или общественными организациями, не находящиеся в подчинении каких-либо других структур и финансируемые различными фондами и бизнесом. Обладают «определенной научной независимостью и самостоятельностью».

В России и странах ЕАЭС аналитические центры начали формироваться после распада СССР наряду с традиционными академическими структурами [6].

К центрам компетенции в России Карулин В.П. (цит. по В.Е. Муценеку) относит федеральные государственные научные центры, основной из функций которых является аналитическая, заключающаяся в проведении научно-исследовательской работы.

Инновационная функция выражена во внедрении исследований и разработок, являющихся катализаторами научно-технологического развития.

Просветительская функция представлена подготовкой научных и научно-педагогических кадров.

Политическая функция заключается в том, что государственные научные центры являются «связующим звеном между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями, образованием и реальным сектором экономики [11].

Несмотря на колоссальную работу, проводимую фабриками мысли, она почти незнакома широкой общественности, так как фокус трансляции создаваемого знания смещён в сторону государственных структур (особенно в странах, где институт аналитических центров недостаточно развит).

Поэтому не следует забывать ещё об одном акторе коммуникации – социуме [9].

Конечно, аналитические центры не должны становиться популярными каналами массовых коммуникаций или СМИ, но в силу развития новых коммуникационных технологий им необходимо адекватно вписываться в информационное пространство, занимать своё место в информационном обществе с целью уменьшения разрыва экспертного сообщества и социума [9].

Определяя различие в особенностях фабрик мыслей, также можно и выделить общие черты: их основными задачами является выработка новых идей, концепций, вариантов разрешения проблемных ситуаций, с использованием элементов прогнозирования, в том числе внедрение и доведение интеллектуального продукта до конечного пользователя [5].

Основным результатом деятельности фабрик мысли являются идеи, то есть умообраз нового знания.

Идея – представления о социальной и политической сфере, основанные на результатах научной деятельности, практическом опыте, социальных нормах

и практиках, ценностных установках и верованиях, формирующие ожидания, предположения и/или предписания по реализации политического курса и/или его легитимации [6].

Исследователи выделяют «нормативные» и «когнитивные» идеи, однако идеи могут существовать и в «распыленных» формах коллективно разделяемых представлений и норм, когнитивных моделей и ценностных ориентаций, которые кажутся очевидными.

Была сформулирована следующая типология идей [6]:

- программы (как предписания со стороны политической элиты для лиц, принимающих решения - ЛПР, в целях формирования политического курса);
- рамки (как символы и концепты, позволяющие легитимировать политические решения перед общественностью);
- парадигмы (как предположения элиты о возможных и доступных для использования решениях);
- общественные настроения (как предположения общественности о легитимных вариантах решений, доступных для лиц, принимающих решения - ЛПР).

Определение фабрик мысли как производителей идей позволяет не только уточнить их функции, но и более четко разграничить их деятельность с другими структурами [6].

Но в одном случае в идее научное знание (объективное и верифицированное) выступает в качестве главной ценности («знание как ценность»), в другом определенная ценность превращается в идею («ценность как идея»).

Фактически речь идет о разделении фабрик мысли на «производителей идей, основанных на научном знании» и на «производителей идей, основанных на идеологии».

Типология «идей» позволяет определить тип адресата и через это дать более точную оценку качества самих идей и каналов их коммуникации.

Идеи – это суть того, что находится в оболочке интеллектуального продукта, являющегося ценностью в договоре, которую одна его сторона (фабрика мысли) отчуждает в оплату другой стороной (заказчиком).

Безусловно, краткий экскурс не способен раскрыть во всей полноте тему феномена фабрик мысли, но не их панорамная презентация является предметом настоящей работы.

Мимо внимания исследователей прошло три существенных обстоятельства:

1. Фабрики мысли эффективны в той мере, в какой через политику государства отражаются ростом благосостояния общества.

Сосредоточение исключительно на внешней политике государства, принципиально не касаясь тем развития социальной сферы, делают деятельность фабрик мысли односторонней и не нужной обществу.

Как это упоминалось выше, одним из принципов деятельности фабрик мысли является поиск решений социальных проблем (цит. Hackett E.J. по [12]).

Опыт КНР (схема «один-три-пять») и ряда других стран убедительно демонстрирует первостепенное значение решения реальных социально-экономических задач.

В отечественной практике такие задачи носят декларативный характер и не ставятся перед научными организациями [7].

Внутренняя политика, социальная направленность, фокус на гражданских проблемах отсутствует во всех приведенных источниках, характеризующих деятельность аналитических центров – в исключительном приоритете обслуживание власти на внешнеполитическом треке.

Проблема в том, что существующая практика приводит к тому, что фабрики мысли у нас, если и конкурируют, то – за деньги, а не за нужность обществу.

2. Фабрики мысли эффективны в той мере, в какой не подвержены влияниям.

Как уже было упомянуто, организационная, как и идеологическая, независимость является критерием оценки эффективности зарубежных «фабрик мысли» [20] притом, что для одних исследователей принципиально важен факт независимости, а для других – ее характер (финансовая, институциональная или интеллектуальная независимость) [11].

Независимость фабрик мысли в Германии и США понимается по-разному [8]: первая исходит из того, что факт финансирования государством вовсе не означает ангажированности, в то время как вторые оценивают независимость мерой источников финансирования фабрик мысли – «кто платит, тот и заказывает музыку».

Проблема в том, что сложившейся практикой финансирования фабрики мысли ориентированы на подтверждение и обоснование некой заданности, а не на поиск истины, создание интеллектуального продукта.

В этом смысле независимость фабрик мысли – это поддержанная финансами самостоятельность идей и инициатива воспроизводства знаний или свобода в рамках, обязанность соответствовать предписаниям?

Из трех вошедших в рейтинг российских аналитических центров только Московский центр Карнеги можно квалифицировать как полностью организационно и идеологически независимый, хотя этот критерий является одним из важнейших по оценкам экспертов [20].

Независимость – это категория, по-разному понимаемая и по-разному оцениваемая также и на постсоветском пространстве, где сохранилось прежнее устройство государственного аппарата, хотя бы и при ином политическом строе.

В отечественном варианте за фабрики мысли принимаются традиционные институты, а не возникающие в силу спроса и ожиданий общества новые субъекты генерации идей.

Например, что касается независимости аналитических центров, то ИМЭМО является структурой Российской академии наук, Устав которой утверждается решением правительства, а все изменения в нем должны согласовываться с Министерством науки и высшего образования РФ; да и кандидатура Президента РАН утверждается главой государства; также и МГИМО нельзя назвать независимым институтом, поскольку он является ведомственным вузом при МИД России [20].

Что общего у всех перечисленных организаций и что их отличает от Московского центра Карнеги и любых зарубежных организаций?

Только одно: организационно-правовая форма учреждения как юридического лица, основанного на несовместимом имуществе и находящегося на содержании собственника (в общем случае - государства).

Это – органы (образующие механизм государства) и организации, составляющие бюджетную (социальную) сферу – будь то наука, образование, здравоохранение, культура и т.д.

По общему правилу, учреждения-организации выполняют роль исполнительного продолжения органов государственной власти [15, 16, 17].

Таких нет нигде в мире, кроме постсоветских стран, где они еще остались.

Учреждения по определению не обладают самостоятельностью, независимостью.

Находясь в административном подчинении, субординации по вертикали, они не годны в отношениях координации, кооперации по горизонтали.

Плоды экономической или интеллектуальной деятельности учреждения поступают в собственность государства.

Проблема в том, что даже самые глубокие и масштабные российские исследования по теме [6] принимают как данность административную интеграцию отечественных научно-исследовательских учреждений, которые, возможно, по этой причине так и не становятся фабриками мысли, как за рубежом.

Возможно, имеет значение и такая мелочь, как то, что слово «учреждение» не имеет точного перевода на другой язык, тем более в близком отечественному варианту наполнения этой юридической категории.

3. Фабрики мысли вместе и каждая по отдельности эффективны в той мере, в какой индивидуально эффективны составляющие их исследователи.

Это очевидно и тем более важно, когда и если продукт деятельности фабрик мысли является результатом командной работы интеллектуалов, ожидаемо сравнимых по ресурсу и вкладу в общее дело.

Фабрики мысли – это персоналии или юридические фикции (организации)?

За рубежом – в силу очевидности – этот вопрос не возникает.

Именно ученым, исследователям, креативному классу создаются условия для научного творчества, в том числе в порядке присоединения к фабрикам мысли.

Даже будучи сменяемыми (по мере текущей востребованности по своему научному профилю), они остаются незаменимыми – в силу своей уникальности.

Везде – по-разному: ученые Франции имеют статус государственных служащих (или должностных лиц); в Бельгии, Испании и Италии часть исследователей является государственными служащими, прочие осуществляют научную деятельность по договору в отсутствие такого статуса; а в США обходятся без проблем наименования исследователей, ограничиваясь рациональной оценкой результатов их деятельности на соответствие техническому заданию по договору [3].

При этом не наименование занимаемых позиций, не заслуги перед властью служат за рубежом целям обозначения научной состоятельности ученого, а его

исследовательские достижения, вехи профессионального пути, уровень заработанного трудами авторитета, т.е. то, что принято называть бэкграундом.

Это не вопрос статуса по научным степеням и научным званиям, к чему упорно все сводят российские авторы, интерпретируя зарубежную практику [2, 3] – номинации не придают ученому ни индивидуального авторитета, ни веса в научном мире.

Такое упорство объясняется тем, что в России статус ученого строго привязан к месту в иерархии должностей в научно-исследовательских учреждениях.

Признание ученым у нас происходит не потому, что научный работник владеет вопросом, а потому, что занимает более высокую должность в соответствующем учреждении.

А более высокое место в иерархии должностей в отечественной науке предполагает более высокий уровень благосостояния.

Поэтому научные работники в России поставлены перед альтернативой: либо заниматься наукой, либо продвигаться по административной лестнице в научно-исследовательских (сейчас – и в образовательных) учреждениях.

У нас среди ученых много тех, кто внес в науку неоценимый вклад – это, в основном, представители точных наук: математики, физики, химии и т.д.

Но куда больше тех, чей научный путь проложен не вкладом в создание новых знаний, а карьерным продвижением по административной лестнице в околонуучной среде.

Такие (а это – сфера социальных, гуманитарных наук) преуспевают, а действительно научный работник зачастую выступает «обреченным интеллектуалом, принесшим свое материальное благополучие в жертву научным интересам» [3].

При этом соперничеству идей у нас противопоставляются дискуссии между тем, как назвать ученых, и тем, как припасть к источнику финансирования [3].

Прежде такая идея не высказывалась, но, возможно, настало время разделить науку и научный менеджмент, ученых и управленцев от науки, чтобы не было, как сейчас, когда использовавший административный ресурс функционер приобретает статус ученого и через него – академика.

За рубежом определяющее значение имеет суть ученого, совокупность основополагающих характеристик его реальных достижений, у нас – форма, совокупность внешних черт, атрибута.

Поэтому и сравнение смыслового наполнения понятия «ученый» - разное, благодаря чему прямое сравнение таких номинаций между нами и остальным миром не получается корректным.

Мы заботимся о внешнем подражании Западу и терминологическом заимствовании без сопутствующей качественной переработки содержания [3].

Возможно, только в постсоветских странах представляет интерес нормирование труда ученых в качестве научных работников [13, 18].

Потому что нигде больше не возникает проблемы измерения научной активности ученых мерой труда, тем более в рамках трудового права.

Если требуется оценить ресурс ученого, это всюду достигается мерой наукометрии (другой вопрос – насколько она корректна, особенно в России, благодаря далеко не всегда оправданным рационализаторским инициативам).

Таким образом, российские аналитические центры – НИИ, вузы и другие учреждения – и работающие в них ученые значимо отличаются от зарубежных фабрик мысли и составляющих их ученых.

В целом фабрики мысли в мире продуктивны созданием нового знания – интеллектуального продукта, обычно оплачиваемого государством.

Однако предметом интереса государства всюду является внешняя, а не внутренняя, не социальная политика, которая остается обделенной интеллектуальным обеспечением реальных потребностей со стороны фабрик мысли.

Российские аналитические центры в форме учреждений всецело находятся в зависимости – не столько от символического собственника (государства), сколько от выступающей от его имени бюрократии, чиновничества.

Российские ученые позиционируются исключительно как работники государственных учреждений, в отличие от зарубежных коллег не имеющие статуса госслужащих и не являющиеся свободными экономическими агентами.

Качество интеллектуального продукта, создаваемого в России на деньги государства учеными в рамках трудовой субординации в учреждениях, находящихся в свою очередь в административной и имущественной субординации государству же, не позволяют российским аналитическим центрам выступать наравне с зарубежными фабриками мысли.

Независимость, самостоятельность является чертой, отделяющей зарубежные think tanks от российских учреждений и зарубежных коллег – от российских ученых.

Список использованных источников

1. Беляев А.Ю. Анализ активности фабрик мысли: подходы и объясняющие модели (на примере опыта США). Социум и власть. 2016. №2 (58). С. 52-58.
2. Белоусов С.А., Кротов К.С. Ученое звание как составляющая профессионального статуса научно-педагогических работников в России и зарубежных странах. Правовая политика и правовая жизнь. 2020. №2. С. 88-99.
3. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Правовое положение ученого в России и за рубежом. Управление наукой и наукометрия. 2021. Т. 16, №4. С.523-540.
4. Войнов А.С. Американские Think Tank – фабрики корпоративного лоббизма или мысли. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №10 (52). Ч.1. С. 121-122.
5. Войнов А.С. Фабрики мысли в структуре принятия политических решений. Апробация. 2016. № 9 (48). С. 71-73.
6. Вилисов М.В. «Фабрики мысли» или «кузницы идей»? Ценностная повестка аналитических центров стран ЕАЭС в контексте государственной политики. Политическая наука. 2023. № 2. С. 203-233.
7. Гусев А.Б., Вершинин И.В., Доронина Е.Г., Малахов В.А. Мониторинг и оценка результатов научно-технической деятельности: зарубежный опыт и российская практика. Наука. Инновации. Образование 2018. № 1 (27). С. 65-91.
8. Ивкина Н.В. История становления и развития немецких и крупнейших американских аналитических центров (сравнительный анализ). Genesis: исторические исследования. 2018. №4. С. 102-113.
9. Ивченкова М. С. Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе. Вестник Института социологии. 2019. Том 10. №3. С. 151–164.
10. Капишникова В.А., Абрамова Н.А. Классификация и особенности «мозговых центров» КНР. Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2017. №20. С. 47-52.
11. Муценек В.Е. От «мыслесборника» до «центра компетенций»: многообразие форм и воздействий. Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2022. №4 (40). С. 65-74.

12. Пястолов С.М. Роль мозговых центров в управлении будущим (Аналитический обзор). Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. 2021. №4. С. 100–119.
13. Самарина Ю.С., Шкварова А.С. Труд научных работников: применимо ли нормирование? Наука. Инновации. Образование. 2017. Том 12, №3. С. 61-75.
14. Смирнов Д.А. О создании системы «мозговых центров» в КНР. В книге: Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы V Всероссийской научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. 2019 С. 340-351.
15. Тихомиров А.В. Режим имущества государственных и муниципальных учреждений. Научно-практическое пособие. Общая часть. М.: РИГР, ЦНИИОИЗ, 2002. 84 с.
16. Тихомиров А.В. Управление учреждениями здравоохранения в отношениях собственности: Дисс. ... канд. мед. наук. М. 2003. 244 с.
17. Тихомиров А.В. Учреждение как хозяйствующий субъект: отношения с собственником. Российская юстиция. 2003. № 4. С.17-18.
18. Феоктистова О.А. Нормирование научно-исследовательского труда: методологические подходы. Науковедение (Интернет-журнал). 2014. Выпуск 5 (24). С. 1-17.
19. Щетинская Я.В. «Фабрики мысли»: принципы, технологии и методы работы. Социальные явления - журнал международных исследований. 2012. №1 (1). С. 68-74.
20. Щетинская Я.В. Применение зарубежных критериев для оценки эффективности российских экспертно-аналитических центров: pro et contra. Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. №2. С. 108–120.
21. Щетинская Я.В. Экспертно-аналитические центры в США в первой половине XX в.: политические и социально-экономические контексты развития. Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. №4. С. 99–109.